

УДК 82.1

Е.К. Щербакова

ПРОБЛЕМА ПРЕОБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ В ПОВЕСТИ К. ПЕВЦОВА «ПУСТЫНЯ»

Аннотация: повесть современного автора К. Певцова «Пустыня», одно из наиболее достоверных в передаче сути православной веры и одновременно художественных произведений, убедительно показывает жизнь праведника и приход атеиста к вере. В произведении присутствуют аллюзии на библейские, фольклорные тексты. Повесть проникнута мотивами молитвы, веры, борьбы со страстями. Особое значение в произведении приобретает хронотоп, организующий действие, способствующий духовному восхождению героев.

Ключевые слова: К. Певцов «Пустыня», север, Валаам, Трифон Печенгский, игумен Нифонт, крест, реставрация, Преображение, остров.

Цитирование: Щербакова Е.К. Проблема преображения человеческой души в повести К. Певцова «Пустыня» // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2021. Вып. 3 (20). – С. 107-115.

Сведения об авторе: Щербакова Евгения Константиновна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой филологических дисциплин Оренбургской духовной семинарии (Россия, Оренбург). E-mail: galereya-k@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.11.2021

Принята к публикации 01.12.2021

В повести К. Певцова две сюжетные линии, развивающиеся в разных временных отрезках: в XX-XXI и XVII веках. Главный герой «современных» глав Колька – художник-реставратор, студент, приехавший в поселок возле Петрозаводска на практику – восстанавливать фрески собора. И это сближает его с самим автором, о котором известно немного, в частности то, что он православный, «современный писатель, художник и реставратор»

[2]. Поначалу Колька далек от веры и мысли его витают возле Наташки, которая предпочла ему студента-биолога с гитарой.

Главный герой «средневековых» глав – игумен Нифонт, праведник, молитвенник, прогнанный братией из основанного им на севере, вблизи Белого моря, монастыря и живущий в пещере на маленьком островке посреди озера. Однако искушения наступают и его, поначалу смущающегося оттого, что братия выгнала его из им же основанной обители, что справедливости в этом поступке нет.

Особую важность в этом контексте приобретает мотив Преображения: в итоге привыкания к жизни на острове Николай придет к постижению Божьего присутствия в его жизни, а монах благодаря молитве и смирению достигнет святости.

При рассмотрении образа старца, видя намеренные или нечаянные аллюзии, отсылки к библейским, фольклорным источникам, убеждаешься, что «в своем творчестве Константин Певцов старается ничего не придумывать, а писать от сердца, опираясь в первую очередь на живое Предание Святой Православной Церкви» [2]. Так, прошлое старца Нифонта, бывшего разбойника «Лехи – косою сажени» [6, с. 11], напоминает и прошлое Охты, и, как утверждает предание, молодость святого Трифона Печенгского [5], просветителя лопарей – народов Севера. Не случайно в жизни святого – литературного героя – и преподобного Трифона соотносятся эпизоды убийства женщины, повлиявшего на их духовное перерождение. Если Митрофан, будущий святой Трифон, по запальчивости убил любимую женщину Елену, заступившуюся за несчастного, то Леха из жалости прикончил недобитую его дружками красавицу-чухонку: «И стало ему тогда тошно и тяжело. И как будто извиняясь, он и смог только одно придумать, как дорубить ее тогда... С того дня и стал он подумывать, как жизнь свою свернуть, как эту лихую свою молодость перед Господом оплакать» [6, с. 63].

Интересно, что в официальном Житии преподобного Трифона

XVIII века ничего не сообщается о разбойном прошлом, однако благодаря его рассказу о себе голландцу Симону ван Салингену, купцу XVI века [7], преданиям лопарей [5] в наше время известны поучительные подробности жизни этого великого человека.

Не только молодость, но и жизнь отца Нифонта на острове содержит аллюзии на события жизни просветителя лопарей. Подобно историческому лицу, этот монах гоним, живет уединенно на острове, питаясь рыбой и кореньями, ему так же, как и его прототипу, являются «пустынные страхования», он возводит на острове крест. «Первым делом по заповеди пустынной поставь крест и возблаговари Господа... Ставить надо на века» [6, с. 26]. Безусловно, все эти особенности уединенной жизни настолько же индивидуальные, насколько и типичные, что видно на примере агиографической литературы.

Автор искусно соотносит события двух временных пластов. Оба героя, и игумен Нифонт, и Колька, слышат крики неведомой женщины, на деле оборачивающейся чайкой. Нифонт «уже было собирался идти дальше, как услышал женский стон. <...> Не может такого быть. <...> поди, вражина шалит. Спаси, спаси меня, Богородица! Помилуй, Господи! <...> И как будто на зов его сердца вылетела из-за валуна чайка и, чиркнув по воде, порывисто рассмеялась» [6, с. 62]. В следующий раз в чайку обернулся померещившийся на горизонте парус, новое искушение, напугавший старца тем, что его ищут, как беглого. Николаю снится сон про чайку, обернувшуюся Наташкой-русалкой. Образ чайки появляется в тексте не случайно, родня его с преданиями севера. В фольклоре поморов чайка отождествляется с женщиной, сравним: «В одной севернорусской легенде чайкой становится дочь, проклятая отцом за то, что не уберегла свою девичью честь» [1, с. 730].

Обоих героев в трудной ситуации выручает прикормленная нерпа, добывающая хариусов, любящая ласку, как кошка. «Вот ведь как, зверь. А все понимает, – подумал <игумен>. – Мается

тварь. Стенает. Тяжело ей от грехов человеческих, ох тяжело. Ждет она с надеждой избавления. Да только нет у людей понятия. Ох, нет. Помоги, Господи» [6, с. 108]. И старец, и Николай воспринимают помощь нерпы как дар свыше. Герои радуются грибам-боровикам, которые тоже избавляют от голода. Находящийся на острове с четырьмя товарищами Николай один находит большие белые грибы, и он один, в отличие от товарищей, в минуту искушений обращается к Господу и обещает ему креститься. «Шаги приближались. Кто-то невидимый и страшный шел прямо к стоянке. Кольке стало не просто страшно, а жутко <...> И с ужасом услышал, как тяжело кто-то невидимый дышит в темном лесу. – Господи! – вдруг вырвалось у Кольки впервые за всю жизнь. – Господи, спаси меня!» [6, с. 104].

Так называемые «контакты с дивами», как называет все эти стоны, крики товарищ Николая Иван из Росреставрации, делают остров загадочным: «Пожалуй, он прав. Как я ни стараюсь себя разубедить, но на этом острове есть нечто. И оно, это нечто, действительно обращает на себя внимание, ищет контакта» [6, с. 69]. Другие товарищи Николая или вовсе отрицают присутствие сверхъестественного на острове, как Сережа, кандидат наук, или воспринимают его в духе нового времени 1990-х гг., как экстрасенс Саша, чувствующий энергетику в «зоне креста» [6, с. 44]. У Саши болит голова на острове, и он сожалеет о том, что нет у него с собой камня оникса, который мог бы унять боль. Все эти молодые люди, реставрирующие старинный крест, не случайно оказавшиеся в пустынном месте, становятся иллюстрацией евангельских слов «много званых, мало избранных».

Одним из ключевых мотивов в повести является Иисусова молитва. Монах Нифонт в тексте повторяет ее всегда, понимая, что, если все хорошо, «если получит грешная душа утешение от Господа, напитается благодатью, жди – скоро придут воры и разбойники, духи злобы <...> Запирай свое сокровище, монах, покрепче стереги двери души... Пусть сердце стучит день

и ночь: Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного» [6, с. 97]. Враг искушает его то страхованием, то гордостью. В канун памяти преподобного Сергия, не поймав рыбу, он страшится, что не сможет зимовать на острове из-за голода, и решает бежать с него на Валаам, где когда-то начинал монашествовать. Но исчезнувшие с божницы икона и крест, а затем и чудесное появление почившего духовного отца убеждают его в ложности принятого решения: «А не я ли тебе говорил, чадо, гони помысел. Гони и хороший, и плохой, иначе вражина завладеет сердцем, и тогда беда» [6, с. 86]. Как отмечает в своей книге иеромонах Митрофан (Баданин), о подобного рода помощи северным пустынноикам «от Господа в виде благолепных старцев» пишется в житиях соловецких подвижников [5, с. 58].

Отец Нифонт очень любит праздник Преображения. Именно в этот день Николай находит на острове его пещерку, могилку и крест, и именно в этот день погибает старец от рук шведов и предателей-казаков, уже сжегших Валаамский монастырь. Но перед смертью спасенный игуменом стрелец Иван становится свидетелем его святости и получает духовное завещание. «Иван клал поклоны и крестился, с удивлением и страхом наблюдая за Нифонтом, видя, что старец молится, стоя на локоть от земли, весь сияющий неземным светом» [6, с. 135]. Об острове, Преображении, пещере – «убежище неведомого русского войска» [6, с. 141] помнит и другой отец Нифонт, насельник Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, бывший Колька.

Особого внимания заслуживают пространственные характеристики повести. Ю.М. Лотман в своей работе «Семиотика пространства» писал, что всякое средневековое путешествие «приобретало характер паломничества» [4, с. 408]. И отец Нифонт, и Николай, отправляясь в неизведанные места (первый по велению вещего сна, в результате бунта братии, второй из-за несчастной любви), по сути, совершают «уход, пространственное перемещение» [4, с. 408], одновременно двигаясь по пути

«разрыва с грехом» [4, с. 408]. Не случайно почти все художественное пространство повести занимают объекты «вечные», нерукотворные – озеро, остров, при этом на острове нет дома в буквальном смысле слова. Пустынник живет в пещере, но молится чаще всего за ее пределами – у воздвигнутого им креста, а реставраторы ночуют в палатках, описания интерьера которых в тексте отсутствуют. Есть в книге описания и построек «временных», созданных руками человека, помещений неуютных, безрадостных. Это баня, где Николай после первого возвращения с острова, пока еще только столкнувшись с «дивами», напивается от полноты непонятных ему самому чувств. Это и «комната, похожая на больничную палату» [6, с. 93] и одновременно на монастырскую гостиницу, где расположился отряд ВООПиК¹. Хотя и есть в этой гостинице печь, она дымит, и поначалу с ней не может справиться девушка Таня.

Остров становится духовным местом, местом Преображения душ главных героев. Неслучайно иеромонах Митрофан (Баданин) подчеркивает, что «понятие места существует только для церкви или монастыря. „Мест“ каких-либо иных исчезнувших со временем зданий или сооружений писцовые книги не знают» [5, с. 156]. Пространство острова с его загадочным для Николая и его товарищей крестом «организовывает действие произведения» [3, с. 129].

Отточенный, высокохудожественный язык произведения создает удивительный по красоте образ полудикого северного края: «Колька глубоко вздохнул воздух, прелый, с ароматом брусники, ни с чем не сравнимый запах северного леса, густо настоящий на тишине да пропитанный комариным звоном. Тишина да вечный покой» [6, с. 6].

Таким образом, книга современного автора К. Певцова «Пустыня», одно из наиболее достоверных в передаче сути пра-

---

¹Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (прим. авт. – Е.Щ.).

вославной веры и одновременно художественных произведений, убедительно показывает приход человека к вере и даже к святости. Произведение пронизано мотивами молитвы, веры, борьбы со страстями. Особое значение в нем приобретает пространство, *genius loci*, организующее действие и становящееся таким образом местом благословенным и благодатным.

Литература

1. Гура, А. *Символика животных в славянской народной традиции*. – М. : Издательство «Индрик», 1997. – 912 с. (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования).

2. Константин Певцов. – URL: [http:// https://www.varnitsy.spb.ru/catalog/authorkonstantin_pevtsov/](http://https://www.varnitsy.spb.ru/catalog/authorkonstantin_pevtsov/). – Текст : электронный.

3. Лихачев, Д.С. *Поэтика художественного пространства* // Лихачев, Д.С. *Историческая поэтика русской литературы*. – СПб, 2001. – 566 с.

4. Лотман, Ю.М. *Избранные статьи. В 3 т.* – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. – 480 с.

5. Митрофан (Баданин), иеромонах. *Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие: Житие, предание, исторические документы. Опыт критического переосмысления*. – Мурманск : Издательство Мурманской епархии, 2003. – 296 с. – URL: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/Mitrofan-Badanin/Mitrofan_Prepodobniy_Trifon_Pechendskiy-2003/6/. – Текст : электронный.

6. Певцов, К. *Пустыня. Повесть и рассказы*. – Рязань : Зерна-Слово, 2019. – 256 с.

7. Симон ван Салинген. *Сообщение о земле Лопии* / пер. А.М. Филиппова. Текст воспроизведен по изданию: *Русские в Лапландии в XVI веке* // *Литературный вестник*. – Том I.

Книжка III. – СПб, 1901. – URL: https://www.kolamap.ru/library/1901_filiprov.html. – Текст : электронный.

E.K. Shcherbakova

THE PROBLEM OF THE TRANSFORMATION OF THE HUMAN SOUL IN THE STORY OF K. PEVTSOVA “THE DESERT”

Abstract: The story of the modern author K. Pevtsov “The Desert”, one of the most reliable in conveying the essence of the Orthodox faith and at the same time works of art, convincingly shows the life of a righteous man and the coming of an atheist to the faith. The work contains allusions to biblical, folklore texts. The story is imbued with the motives of prayer, faith, and the struggle with passions. The chronotope, which organizes the action, contributing to the spiritual ascent of the heroes, has special meaning in the work.

Key words: K. Pevtsov “Desert”, north, Valaam, Trifon Pechengsky, hegumen Nifont, cross, restoration, Transfiguration, island.

References

1. Gura A. Simvolika zhivotnyh v slavyanskoj narodnoj tradicii [Animal symbolism in the Slavic folk tradition]. Moscow, 1997, 912 p.
2. Konstantin Pevcov. [Electronic resource]. Mode of access: [http: // https://www.varnitsy.spb.ru/catalog/authorkonstantin_pevtsov/](http://https://www.varnitsy.spb.ru/catalog/authorkonstantin_pevtsov/).
3. Lihachev D. S. Pojetika hudozhestvennogo prostranstva [Poetics of artistic space]. In *Lihachev D.S. Istoricheskaja pojetika russkoj literatury* [Likhachev D. S. Historical poetics of Russian literature]. St. Petersburg, 2001, 566 p.
4. Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i. V 3 t. [Selected articles. In 3 vols]. Tallinn, 1992. Vol. 1, 480 p.

5. Mitrofan (Badanin), hieromonk. Prepodobnyj Trifon Pechengskij i ego duhovnoe nasledie: Zhitie, predanie, istoricheskie dokumenty. Opyt kriticheskogo pereosmyslenija [St. Tryphon of Pechenga and his spiritual Heritage: Life, tradition, historical documents. The experience of critical rethinking]. Murmansk, 2003, 296 p. [Electronic resource]. Mode of access: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/Mitrofan-Badanin/Mitrofan_Prepodobnij_Trifon_Pechendskiy-2003/6/.

6. Pevcov K. Pustynja. Povest' i rasskazy [Desert. Novella and short stories]. Ryazan, 2019, 256 p.

7. Simon van Salingen. Soobshhenie o zemle Lopii [A message about the land of Lopia]. Transl. by A. M. Filippova. In Russkie v Laplandii v XVI veke [Russians in Lapland in the XVI century] Volume I. Book III. St. Petersburg, 1901. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.kolamap.ru/library/1901_filippov.html.